

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРОПАГАНДЕ КРЕСТОНОСНОГО ДВИЖЕНИЯ

ПОРТНЫХ В.Л. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ В ПАЛЕСТИ-
НУ (1095–1291): АРГУМЕНТЫ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
К УЧАСТИЮ.

Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. 224 с.

(Библиотека Средних веков)

Известная не только российским, но и зарубежным медиевистам книжная серия «Библиотека Средних веков» Санкт-Петербургского издательства «Алетейя», редакционную коллегию которой возглавляет академик РАН Сергей Карпов, пополнилась новой монографией о пропаганде Крестовых походов молодого сибирского медиевиста Валентина Портных, заведующего лабораторией Древнего мира и Средних веков Новосибирского национального исследовательского университета.

Обозначенная проблема исследования обладает очевидной актуальностью, поскольку феномен пропаганды принадлежит к тем немногим вневременным феноменам, которые определяли как величайшие прорывы, так и сокрушительные падения человечества, начиная с первых цивилизаций и заканчивая нашим временем. Пропаганда, если вспомнить определение Эдварда Бернейса, «отца пиара», представляет собой искусство управления предпочтениями масс¹. Действительно, от того, кем, кому, как передаются креативные или деструктивные идеи, с помощью каких вербальных и невербальных формул, аудиальных и визуальных символов, психосемантических и поведенческих кодов, зависят эмоциональная консолидация масс, трансформация определенно заданных настроений в совместное действие и, наконец, воплощение в жизнь общезначимых целей. Манипулятивный характер пропаганды со всей остротой ставит проблему суверенности личности, ее способности противостоять навязываемым извне идеологемам, благодаря просвещению, образованию, развитию критического мышления, способности оппозиционного противодействия. Насколько значима отмеченная проблематика, говорит бурная полемика в мировой гуманитаристике вокруг книг о пропаганде Эдварда Хермана², почетного профессора Пенсильванского университета, и Ноама Хомского³, почетного профессора Массачусетского технологического института.

¹ *Bernays E.* Propaganda. N. Y., 1928. P. 25.

² *Herman E.* The propaganda model revisited. N. Y., 1996 [Electronic resource]. URL: http://dx.doi.org/10.14452/MR-048-03-1996-07_8

³ *Chomsky N.* Propaganda and control of the public mind. [N. Y.], 1998 [Electronic resource]. URL: <http://myzuka.fm/Album/473011/Noam-Chomsky-Propaganda-And-Control-Of-The-Public-Mind-1998>

Анализ идейного содержания пропаганды на материале Крестовых походов XI–XIII вв., предпринятый автором, представляется особенно ценным, поскольку именно тогда, может быть, впервые со всей силой проявились фундаментальные принципы искусства пропаганды, которые будут становиться востребованными всякий раз, когда общество оказывается в состоянии глубокого разлада и им овладевают массовые страхи.

Валентин Портных по-новому осмыслил обширный сохранившийся массив письменных источников эпохи Крестовых походов, выделив *пропагандистские* тексты (буллы римских пап, записи проповедей – призывов к походам, агитационные речи и письма), *модально-пропагандистские* (письма церковных иерархов духовенству с предписанием проповеди креста, «образцовые проповеди», инструкции для проповедников) и *косвенно-пропагандистские* (трактаты пропагандистов).

Критическое осмысление Валентином Портных богатейшей мировой историографии по идеологии Крестовых походов на английском, французском, немецком и итальянском языках позволило ему существенно продвигнуться вперед в понимании идейной структуры пропаганды крестоносного движения, в выявлении всего комплекса аргументов, способных мотивировать участие христиан разных социальных слоев в Крестовых походах, иерархии и эволюции этих аргументов на протяжении конца XI–XIII вв. По сравнению с новейшими трудами Сюзэн Сруп⁴, профессора Ерсинус колледжа в Пенсильвании, рассматривающей Крестовые походы как акт отмщения за оскорбление Богу, работами Анн Бистед⁵ из университета Южной Дании, изучающей формулы индульгенций о грехе и наказании, публикациями Уильяма Паркиса⁶ из Бирмингемского университета о критическом восприятии Крестовых походов современниками и др., молодому исследователю удалось установить, как менялось лексическое и семантическое оформление идейных стимулов крестоносного движения по мере их трансляции вниз от высокой риторики соборов и булл понтификов до образной метафоры проповедей рядовых священников.

Новым подходам содействовал и теоретико-методологический инструментарий, избранный автором в исследовании идейного содержания ставрофорной пропаганды. Им продуктивно использован метод герменевтики, доведенный до филигранного совершенства Полем Рикёром⁷, непревзойденным мастером интерпретаций лиминальных состояний, основателем философии действия.

⁴ *Throop S.* Crusading as an act of vengeance. Farnham; Burlington, 2011.

⁵ *Bysted A.* The Crusade indulgence: Spiritual rewards and the theology of the Crusades, с. 1095–1216. Leiden, 2015.

⁶ *Purkis W.* Crusading spirituality in the Holy Land and Iberia с. 1095 – с. 1187. Woodbridge, Rochester, 2008.

⁷ *Ricœur P.* Du texte à l'action: Essais d'hermeneutique. P., 1986.

Новым по сравнению с распространяющейся в последнее время концепцией «глобальных планов» римской церкви по утверждению своей власти на Востоке⁸ видится понимание сибирским медиевистом меняющихся акцентов в мотивации освобождения Святых Земель и прежде всего Иерусалима от сарацин. Если в начале крестоносного движения реальный Иерусалим с его архитектурноически сохранившимися Гробом Господним выступал доминирующей целью, и все несущие крест называли себя «gens ituras ad Domini Sepulchri», сам поход определялся как «bellum Sancti Sepulchri», и его реальное освобождение стало началом отсчета нового времени (вот он – модус *modernity!*), по поводу которого был составлен 78 псалом и введен в ежедневную литургию, то с конца XII в. доминирующей целью стало выступать личное служение Богу, Иерусалим же был переосмыслен в метареальном контексте как небесная прародина.

Новыми коннотациями обогащено видение «вассального аргумента» как ключевого побудительного импульса к принятию креста. Если до XII в. фьефами Христа считались Святые Земли и Иерусалим, и их завоевание неверными выступало решающим доводом в призывании всех христиан как его верных вассалов к исполнению главной вассальной обязанности – служения Небесному Сеньору, то в XIII в. фьефом Христа стало считаться само тело каждого верующего, и он обязан был предоставить его в услужение страдающему Господу, и только в этом случае верующий мог рассчитывать на получение вознаграждения, отпущение грехов и вечную жизнь. Причем, как устанавливает автор, изменившиеся формы «вассального аргумента» вначале проявились в речевых конструктах обычных проповедников крестовых походов и затем, поднявшись по вертикали, обрели более отточенные вербальные формы в риторике церковных иерархов.

Новые акценты привнесены Валентином Портных в понимание менявшегося статуса Крестовых походов и крестоносцев в условиях обострявшегося противостояния Запада и Востока, когда крестоносное движение стало подвергаться все более основательной критике. И здесь пропаганда впервые сталкивается с оппозиционными настроениями и контрпропагандой, и, по существу, начинается первая информационная война. Скепсис относительно божественного вдохновения крестоносного воинства в латинских текстах вначале вкладывался в уста мусульманских военачальников, которые называли латинян «нечистыми и необрезанными» и потому лишенными богообразности. Потом этот скепсис стал достоянием оппозиционно мыслящих латинских авторов, которые отмечали нарастающую греховность крестоносцев – грабежи христианского населения и разрушения христианских храмов в Византии, забвение заповедей, нарушение канонов, фальсификацию стигма-

⁸ *Chewedden P.* Canon 2 of the council of Clermont (1095) and the Crusade indulgence // *Annuarium historiae conciliorum*. 2005. Vol. 37, № 2. P. 89.

тов, телесных крестов и чудес. Идеологи Крестовых походов отвечают на этот скепсис и критику нетривиальным пропагандистским ходом. Если в XI–XII вв. Крестовые походы сравнивались с великими походами древности Дария, Александра Македонского, и превозносились как походы, вызванные исключительно духовными устремлениями, свободным волеизъявлением их участников, без деспотического водительства и рабского подчинения, то в XIII в. они стали преподноситься как предсказанные в Библии, сравниваться с войнами Макковеев Ветхого завета и превозноситься как походы нового богоизбранного воинства – крестоносцев. Впрочем, победа в этой информационной войне оказалась не на стороне пропагандистов крестоносного движения.

Новым представляется решение Валентином Портных проблемы индульгенций. Если первоначально грамоты об отпущении грехов предоставлялись только тем, кто принял участие в походе, то в дальнейшем такие грамоты стали выдаваться тому, кто произносил «обет креста», кто только собирался в поход, но мог его и не совершить. На этой основе получила развитие практика выкупа «обета креста». Изменился и объем отпущений, жалюемых крестоносцам за участие в Крестовых походах. Если в конце XI–XII вв. индульгенция давала освобождение от наказаний ада, то в XIII в. она способна была освободить от наказаний ада и чистилища. Однако резкое повышение ставок в посмертном воздаянии не остановило угасания крестоносного движения.

Как всякое глубокое оригинальное исследование, монография Валентина Портных стимулирует дальнейшую научную дискуссию. И дабы включиться в нее, хотелось бы отметить некоторые полемические суждения.

Прежде всего, понятие «пропаганда» может выступать в предпринятом исследовании не только как важная научная категория, значимая для постижения идейного обоснования того военно-религиозного колониационного движения, которое получило название «Крестовых походов», но и как инструментальный термин, известный средневековой церковной жизни. Еще Цицерон в своем сочинении «De divinatione» использовал герундив «*propaganda*»⁹, желая оттенить те религиозные идеи, которые заслуживают распространения. Самый авторитетный из отцов церкви – Августин Блаженный – применял это же отглагольное прилагательное в отношении идей, которые должны быть воплощены в жизнь¹⁰. Термин «*propaganda*» встречается в богословских сочинениях бенедиктинцев, хорошо знавших Цицерона как транслятора Аристотеля с древнегре-

⁹ Cicero Marcus Tullius. De divinatione [Electronic resource]. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/cicero/divinatione2.shtml>. Lib. II. Cap. LXXII. §149.

¹⁰ *Aurelius Augustinus*. Contra academicos // Patrologiae cursus completus, sive Bibliotheca universalis, integra, uniformis, commode, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum qui ab aevo apostolico ad usque Innocentii III tempora floruerunt. Series Latina / acc. J.-P. Migne. P., 1845. T. XXXII. Col. 936.

ческого языка на латинский, сделавших аристотелево интеллектуальное наследие достоянием схоластики, которая возвела аристотелевскую логику в статус догмы. Арнульф Рочестерский († 1124), бенедиктинец, последователь Шартрской школы, знаток канонического права, писал о заслугах благочестивых королей, «которые немало потрудились ради распространения христианской веры»¹¹, сочтя термин «propaganda» в этом контексте наиболее уместным. Готфрид Адмонтский († 1165), аббат бенедиктинского монастыря, помещал это же слово в одном смысловом ряду с визуально явленной божественностью¹², невольно подводя к мысли, что пропаганда представляет собой такую популяризацию идей, в которой вербальные средства дополняются визуальными.

От бенедиктинцев и схоластов термин вошел в языковой тезаурус нищенствующих орденов францисканцев и доминиканцев. И пропаганда как явление средневековой интеллектуальной культуры получает развитие не столько в эпоху реальных Крестовых походов с действительной комбатацией, сколько в эпоху «духовных крестовых походов», когда на место физическому оружию пришло метафизическое оружие – слово и на место brutального военного столкновения пришло интеллектуальное состязание.

Далее, достойное уважения стремление сибирского историка проследить циркуляцию пропагандистских идей от высокой риторики теоретиков крестоносного движения до образной метафорики рядовых проповедников и обратно наталкивается на такое препятствие, как крайне низкий уровень грамотности рядового клира, граничивший с безграмотностью. Здесь невольно вспоминается Фульхерий Шартрский¹³, который, не чувствуя в себе писательского призвания, взялся за перо только потому, что во всем войске не нашлось никого, кто мог бы поведать о великих свершениях похода в Святые Земли. В такой ситуации в пропагандистской практике должны были приобрести особое значение не столько писанное или, еще чаще, устное слово, сколько образные фигуративные мемы, а это требует обращения уже к иному ряду источников – визуальных и вещественных.

¹¹ *Ernulfus Rossensis*. Collectanea de rebus ecclesiae // Patrologiae cursus completus, sive Bibliotheca universalis, integra, uniformis, commode, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum qui ab aevo apostolico ad usque Innocentii III tempora floruerunt. Series Latina / acc. J.-P. Migne. P., 1854. T. CLXIII. Col. 1443 (monumenta piarum reginarum quae pro fide christiana propaganda non mediocriter laborarunt).

¹² *Godefridus Admontensis*. Homiliae in festa totius anni. XXIV // Patrologiae cursus completus, sive Bibliotheca universalis, integra, uniformis, commode, oeconomica, omnium SS. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum qui ab aevo apostolico ad usque Innocentii III tempora floruerunt. Series Latina / acc. J.-P. Migne. P., 1854. T. CLXXIV. Col. 732.

¹³ *Fulcheri Carnotensis*. Historia Hierosolymitana / Hrsg. von H. Hagenmeyer. Heidelberg, 1913. S. 116.

Наряду с дискуссионными положениями могут быть высказаны отдельные замечания, к счастью немногочисленные.

Непривычными выглядят некоторые исторические имена. В частности, нередко упоминавшийся в монографии Гюнтер из Паириса (с. 23, 47, 53, 59, 138, 165, 179, 188) должен идентифицироваться с Гунтером Пэрисским, более привычным в российской медиевистике. Часто фигурирующий на страницах книги Раймунд Анжильский (с. 50, 86, 92, 96–98, 101, 103, 112, 122, 135–138, 140, 144) должен восприниматься как Раймунд Ажильский, что более понятно русскому взгляду и слуху. Геральд Кембрийский (с. 94) лучше воспринимается как Гиральд Камбрейский. Византийский святой воин должен именоваться Феодор, но не Теодор (с. 100, 102, 104). Рауль Каэнский (с. 96–98) предпочтительнее распознается как Рауль Канский.

Эпизод с явлением Св. Феодора на белом коне из «Истории» Льва Диакона произошел во время битвы при Доростоле, а не Доростоне (с. 102).

В целом, появление монографии Валентина Портных представляет собой заметный вклад в развитие не только российской, но и европейской медиевистики, ее выводы важны для понимания природы и смысла крестоносного движения, решения проблем противостояния Запада и Востока, осмысления исторических судеб христианской и мусульманской цивилизаций.

А.Г. Еманов